

**АРХИВ
РОССИЙСКОЙ
КИТАИСТИКИ**

Москва IV 2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АРХИВ РОССИЙСКОЙ КИТАИСТИКИ

Том IV

Москва
Институт востоковедения РАН
2016

М.Ю. УЛЬЯНОВ

К 50-летию одного обсуждения, или О ненаучной ревности и научной целесообразности

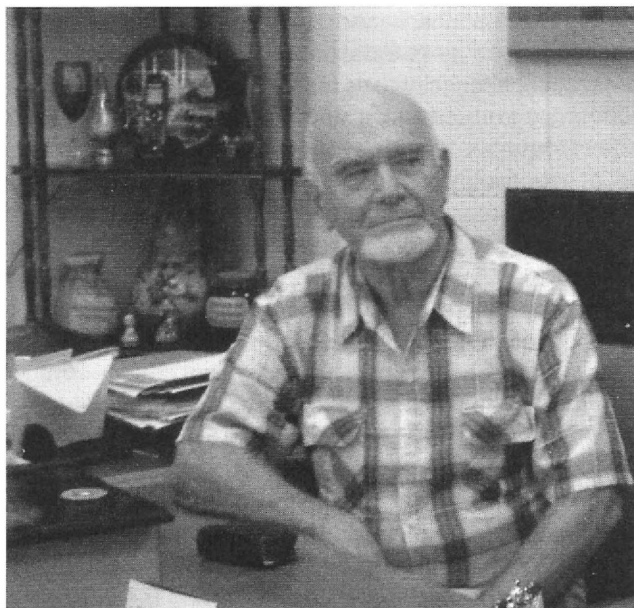
*Нет пророка в своем отделе.
Со своим самоваром да в чужой монастырь.*

Из ИВРАНовского фольклора

Как известно, развитие науки связано не только с достижениями представителей предыдущих поколений, но и с их ошибками и промахами, от которых никто не застрахован, но которые возможно избежать, если о них знать. Потому память о прошлом для людей творческих очень важна.

«Научную среду» можно представить как совокупность разных характеров и разных типов личностей, вынужденных взаимодействовать друг с другом в рамках «научных систем», которые представлены «научными направлениями», в идеале, конечно, — «научными школами». «Направления», разрабатывающие близкие темы, особенно если четко выраженных «школ» нет, часто складываются стихийно на основе общих подходов и сходств характеров. Замечено, что число таких направлений стремится к двум и взаимодействуют они в рамках бинарной оппозиции «свой — чужой». Приверженцев двух направлений разделяет мировоззрение; соответственно, на одни и те же вопросы они дают заведомо противоположные ответы: «хорошее» для одних «плохо» для других и наоборот¹. Историческую перспективу будет иметь то направление,

¹ Эта ситуация так была описана Л.П. Делюсиным (1923–2013) в интервью 2012 г.: «На мой взгляд, конечно, китаеведение не состоит из единомышленников, но и не состоит из атомизированных научных сотрудников. Но деление происходит по иным каким-

М.В. Крюков. ИСАА МГУ, 2010 г.

которое сможет обеспечить преемственность и будет отвечать запросам ученых следующих поколений².

Развитие науки — это путь в неизведанное, познание еще непознанного. Далеко не все могут вести науку вперед, и не только руководить «научными проектами» и создавать «научные школы», но и просто последовательно и глубоко разрабатывать конкретные темы. Неудивительно, что при жизни ученый не все-

то признакам. Возможно, играют роль определённые мировоззренческие особенности учёного. В конце концов, и морально-этические качества тоже занимают немалое место в позиции учёного. Можно, конечно, определить как бы два течения в китаеведении, особенно зримо проявившихся в период конфронтации КПК и КПСС. Одно из них исходило преимущественно от некоторых товарищей из партийного руководства страны. Но оно поддерживалось и рядом китаистов и характеризовалось почти оголтелой критикой КПК. Другие — видели отнюдь не в китайской специфике то, что подвергалось столь резкой критике в те годы в состоянии Китая, и беспокоились о том, каковы будут отношения между двумя странами, когда пик межпартийной войны сойдёт на нет» [79, с.153].

² Направления, таким образом, складываются и развиваются в основном стихийно, по естественным законам человеческих взаимоотношений. Неслучайно в науке родилось такое сложное культурное явление, как «научная школа». Существование «школ» и позволяет избежать многих ограничений такого «естественного развития», а также планировать научную работу и выстраивать взаимодействия внутри «научной среды».

гда может быть понят современниками, а его работы не всегда бывают прочитаны не только коллегами, но даже ближайшими учениками и последователями.

Тут могут оказаться полезными мемуары или воспоминания, проливающие свет на основные концепции и идеи, а также некоторые поступки, затрагивавшие интересы других людей: отрицательный отзыв, отказ в научном руководстве или в чтении рукописей и пр. Особенно важны обстоятельства вхождения молодого специалиста в науку, поскольку оно зависит не только от него самого, но и от его старших коллег, учителей и преподавателей. Если же дневники, мемуары или воспоминания современников отсутствуют, то единственным источником становятся сопутствующие жизни ученого разного рода документы (протоколы заседаний, стенограммы выступлений, характеристики, справки и пр.), которые, однако, не объясняют мотиваций. При работе с ними приходится основываться на предположениях и допущениях. И если очевидцу умозаключения автора могут показаться домислами и выдумками, то для историка науки они будут всего лишь более или менее надежными реконструкциями.

Увы, отечественные синологи, как правило, не склонны к мемуаристике, они редко ведут научные дневники. Даже такой яркий специалист, как Б.Л. Рифтин, который призывал во всем учиться у В.М. Алексеева, дневников не вел и воспоминаний не писал, поэтому увлекательная история поисков старопечатных книг и лубков ограничена страницами нескольких статей и памятью его благодарных слушателей. А ведь мог бы выйти труд, не уступающий «Над арабскими рукописями» И.Ю. Крачковского (1883–1951), который, кстати, имеет подзаголовок: «Листки воспоминаний о книгах и людях». Один из разделов этой книги начинается такими словами: «*Арабисту выпадает на долю много открытий*» [36, с. 60]. Всей своей жизнью Борис Львович доказывал, что и китаисту — тоже.

Исключением являются вышедшие уже вторым изданием дневники В.М. Алексеева (1881–1951) о путешествиях по Китаю в качестве переводчика при французской экспедиции, а также многочисленные публикации его дочери М.В. Баньковской (1927–2009). Сам В.М. Алексеев и сейчас остается недостижимым образцом научной рефлексии. Научный дневник вел, пожалуй, только В.А. Рубин (1923–1981) [86]. Воспоминания о своей жизни оставил С.Л. Тихвинский, назвав их «Возвращение к “Воротам небесного спокойствия”» [110]. Очень интересны воспоминания японоведа Ф.А. Тодер (1911–2000) [111].

Нельзя не отметить и проект «Российское китаеведение — устная история», в рамках которого публикуются интервью с крупнейшими отечественными синологами [79].

Имя М.В. Крюкова (род. 1932), этнолога и историка-китаиста, в отечественном востоковедении хорошо известно. Его труды по Древнему Китаю и сейчас выделяются и глубиной, и качеством. Поэтому для последующих поколений исключительно интересен научный путь М.В. Крюкова, каждый этап которого содержит в себе и урок, и пример, а каждая работа ученого — кладезь и опыта, и знаний. Нельзя исключить того, что когда-нибудь сам М.В. Крюков

поведает, зачем нужно было обсуждать этнографическую работу сотрудника Института этнографии (с 1962 г.) в Институте народов Азии АН СССР (ныне — Институте востоковедения РАН), причем сразу в двух отделах — Китая и Древнего Востока³.

На фоне московской синологической среды второй половины XX в. М.В. Крюков предстает как фигура уникальная и потому подлинно трагическая. Уместно вспомнить, что в Москве в изучении истории Древнего Китая в 50-х — начале 60-х гг. преобладало обществоведческое начало, господствовало направление специалистов, руководившихся истматовской теорией. В.В. Малявин (род. 1950), один из немногих учеников М.В. Крюкова, давая интервью в проекте «Российское китаеведение — устная история», заметил, что знания о Китае у историков того времени были в *«соответствующей идеологической и политической упаковке, другой быть не могло. К сожалению, эту упаковку они так и не смогли с себя сбросить и до сих пор пишут про какие-то “феодальные угнетения” в Китае и прочее и прочее. Не буду называть имен [...]»* [64, с. 60]. По его же словам, в отличие от них *«наш преподаватель М.В. Крюков, ведь, отвергал рабовладение и феодализм в Китае. По сути — не совсем прямо, но не писал о них вообще»* [64, с. 12].

Во многом это объясняется тем, что «научной школы» или «школ» изучения истории Древнего Китая, тем более в которой преобладала бы «классика», в Москве тогда так и не возникло. Не было их и ранее⁴. Если ленинград-

³ Очень ценно, что сам М.В. Крюков в документальной повести, посвященной его дяде, выдающемуся востоковеду, представителю владивостокского направления практического японоведения и китаеведения, офицеру царской и Красной армии М.Г. Попову (1884–1930), рассказал о том, почему он стал заниматься Китаем, а также о своем школьном учителе Алексее Ивановиче, который пробудил в нем любовь к истории, о чтении литературы по истории Китая и о своем юношеском очаровании «этой удивительной цивилизацией» и принятом в 10 классе решении поступать в Московский институт востоковедения [56, с. 75–77].

⁴ Об отсутствии научных школ не только в изучении Древнего Китая, но и в синологии вообще говорил Л.П. Делюсин в интервью 2012 г., в котором он точно охарактеризовал суть вопроса: *«Никаких школ в нашем китаеведении я не вижу. Если считать школой, как записано в словарях, научное направление, возглавляемое и руководимое каким-либо авторитетным ученым, или совокупность последователей ведущего ученого или сторонников одного из них, то этого я в российском китаеведении не вижу. Не исключено, что такое положение сложилось в результате исторического развития советского востоковедения в целом и, в частности, китаеведения (да и не только этих отраслей знания и науки). Ведь считается, что у нас происходило, и не раз, нарушение преемственности научных и педагогических школ. А для создания полноценных научных школ необходимо 2-3 поколения. Мнение, согласно которому научная школа — это некое сообщество, объединенное вокруг харизматичного лидера, в целом имеет право на жизнь и разделяется научным сообществом. Представление о научных школах как субъектах противостояния проникло даже в обывденное сознание и отражено в произведениях искусства. И всё-таки, повторюсь, я не вижу в нашем китаеведении того, что назвал бы школой»* [79, с. 152–153].

ское (ныне вновь — петербургское) востоковедение выдвинуло В.М. Алексеева, который ценой колоссальных усилий сохранил в китаеведении «академическую среду» и тем самым обеспечил развитие «классики», то судьба московского китаеведения складывалась иначе. В 20-е гг. ее зачинателями оказались «пламенные революционеры» и публицисты К.Б. Радек и Г.И. Сафаров, задавшие сугубо обществоведческий путь развития⁵. А в 30-е гг. синологи, будучи втянутыми в беспредметные и бесплодные дискуссии об «общественном строе»: феодализме, АСП (азиатском способе производства) и рабовладении, упустили те качественные изменения, что произошли в изучении традиционного Китая в результате археологических открытий, масштабных издательских проектов и исследований китайских и западных специалистов [66; 67].

После волны репрессий 1935–1937 гг. в Москве, пожалуй, только Г.С. Кара-Мурза (1906–1945), оказавшись в 1939 г. на историческом факультете МГУ, смог преодолеть в себе обществоведа и стать историком⁶. Результатом его труда стала серия опубликованных мизерными тиражами лекций по истории Китая в разные периоды [31–34]. Но уже в конце 40-х гг. его работы по истории древности и средних веков оказались преданными забвению⁷.

Ему вторят Л.С. Васильев и Г.В. Мелихов, но последний и Ю.В. Чудодеев отнесли себя к «школе академика Тихвинского». Г.В. Мелихов: «[...] Вообще, сегодня китаеведение не будет развиваться школами. Оно будет прирастать индивидуальными учеными. [...] Нет больших учителей. [...] Школа Тихвинского — это моя школа» [79, с. 319–320; 381].

Приблизиться к ее созданию, на наш взгляд, смогла ученица В.М. Алексеева, Л.Д. Позднеева. Вокруг нее формировалась литературоведческая школа, из которой вышла целая плеяда филологов-классиков, переводивших и исследовавших крупные произведения: Г.В. Манухин («Цзинь пин мэй»), Э.М. Яншина («Шань-хай цзин»), Г.А. Ткаченко («Люй-ши чунь-цю»), Л.Е. Померанцева («Хуайнань-цзы»), И.И. Семенов («Лунь-юй», «Мэн-цзы»), Н.Е. Боровская (роман Ло Мао-дэна «Путешествие на “Звездном плоту”»), С.А. Торопцев (поэзия и биография Ли Бо).

⁵ Имеются в виду работы К.Б. Радека 1927 г. [78] и Г.И. Сафарова 1927–1933 гг. [87–89].

⁶ С 1939 по 1941 г. Г.С. Кара-Мурза преподавал на историческом факультете МГУ и работал в Институте истории АН СССР [64, с. 596]. Трогательные воспоминания о нем как об учителе и человеке оставили Ф.А. Тодер и М.Ф. Юрьев [112].

⁷ Об этом можно узнать из протокола выступления А.А. Губера (1902–1971) на объединенном заседании кафедр стран Ближнего, дальнего и Среднего Востока исторического факультета МГУ, которое проходило в 1948 г. Он, в частности, сказал: «Я принимаю справедливый упрек Ларисы Васильевны (Симоновской. — М.У.), что наши кафедры недостаточно уделяют внимание творческому обсуждению, подготовке и переработке новых трудов. Правда, я верю, что наша разработка средневековой истории Китая может быть **ценнее и лучше** (выделено мною. — М.У.) разработки Кара-Мурзы, но беда не только кафедры, но и Вас, что эти разработки Ваши (за исключением двух статей, опубликованных в журналах) дальше не пошли...» [1, с. 97]. По-видимому, он воспроизвел сказанную ранее реплику Л.В. Симоновской, объяснявшую, почему труды Г.С. Кара-Мурзы устарели. Время показало, что она едва ли была права.

В 40–50-е гг. основополагающую роль в становлении изучения истории Китая в древности, средних веках и в новом времени сыграли приехавшие из Ленинграда в Москву Л.В. Симоновская (1902–1972) — на истфаке МГУ им. М.В. Ломоносова, затем в Институте восточных языков (позднее — Институт стран Азии и Африки МГУ) и Л.И. Думан (1906–1979) — в Институте востоковедения АН СССР (Институте китаеведения, 1956–1961). Они привнесли не только академический подход своих альма-матер, предполагавший перевод и исследование источников, но и приоритет общественно-политических и социально-экономических задач: выяснение особенностей «общественного строя», описания «производительных сил», «производственных отношений» и, безусловно, «классовой борьбы». Иными словами, их мировоззрение, как и у большинства советских историков, было прочно основано на «диалектическом материализме», а методология — на «историческом материализме». Собственно, в те времена это и считалось историей как наукой.

А.А. Бокщанин (1935–2014) как-то заметил, что у Л.В. Симоновской и Л.И. Думана были разные взгляды на прошлое Китая — в отличие от Ларисы Васильевны, Лазарь Исаевич не «увлекался теоретизированием. Он больше занимался конкретными историческими вещами» [79, с. 29]. Тем не менее, их объединяло то, что, не отделяя обществоведение от истории, исторические задачи они в основном решали обществоведческими методами и учили этому других⁸. Опыт последних двух десятилетий показал, что совместить обществоведение с историей невозможно, и сейчас историки старших поколений от обществоведения в основном отказались, а молодежь уже и не знает, что это такое. Но тогда все было по-другому.

«Виновник торжества»

Он «был и остается для меня образцом
научной строгости и аккуратности»
В.В. Малявин [64, с. 10–11]

М.В. Крюков в 1950 г. поступил в Московский институт востоковедения (МИВ), но в 1954 г. институт закрыли, поэтому формально он окончил МГИМО МИД СССР (1955)⁹. Далее он два года проработал научным сотрудни-

⁸ Справедливости ради следует сказать, что Л.В. Симоновской как преподавателю МГУ и заведующему кафедрой истории Китая удалось подготовить ряд замечательных специалистов по средним векам и началу Нового времени, среди них: Э.М. Стужину, З.Г. Лапину, А.А. Бокщанина, Н.П. Свистунову. Они переводили и изучали источники, писали не только о социально-экономической, но и о политической истории. Л.И. Думан как ведущий китаевед Института востоковедения также сыграл значимую роль в подготовке кадров историков-китаистов (Л.С. Васильева, Г.В. Мелихова и др.) [113]. Иными словами, Л.И. Думан и Л.В. Симоновская выполнили свою задачу, и в Москве изучение истории «традиционного Китая» началось.

⁹ Об этом институте и его закрытии см. [115; 116].

ком ИВ АН СССР (1955–1957)¹⁰. После этого с 1957 по 1962 г. учился в Пекинском университете. С приездом в Москву был принят на работу в Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая [65, т. 1, с. 732].

Как видим, судьба его хранила — получив базовую подготовку в Москве, в МИВ, а не на истфаке МГУ у Л.В. Симоновской, проработав два года в ИВ АН, попав в отдел к И.М. Ошанину, а не к Л.И. Думану и другим коллегам-обществоведам, М.В. Крюков историковедению, текстологии и анализу эпиграфики обучался в Китае. Среди его учителей были известные специалисты по древности (он не называет их имен). Но, например, из статьи 1967 г. ясно, что его консультировал сам Ху Хоу-сюань (1911–1995) — один из ведущих на то время специалистов КНР по шанским надписям и шанскому обществу [49, с. 35]. Среди его однокашников — знаменитые в будущем историки и археологи (например, Су Бин-ци, 1909–1997). Безусловно, это была очень хорошая школа. Но с оговоркой — «школа» в значении места получения знаний и навыков, а не как культурный институт, предполагающий принадлежность к научному коллективу и наличие постоянного научного руководителя. Может быть, поэтому создать свою школу ему не доведется, хотя у него и появятся два выдающихся ученика: В.В. Малявин и В.М. Крюков (1962–2008). Лично я тоже всегда причислял и причисляю себя к ученикам М.В. Крюкова. Имею для этого самые разные исторические основания.

Его работы по Древнему Китаю начали выходить в конце 50-х гг. Еще в 1957 г. (в 25 лет), до отъезда в Китай и почти за 10 лет до описываемого обсуждения, им была опубликована большая программная статья, посвященная историковедческим и текстологическим аспектам изучения труда Сыма Цяня «Исторические записки» [37]. Стоит упомянуть, что вышла она вслед за статьей Л.И. Думана, написанной на основе официального доклада, который он зачитывал на торжественном заседании [25]. Статья М.В. Крюкова отличается наличием серьезной исследовательской составляющей. Любопытно, что не «маститый» Л.И. Думан, а «юный» М.В. Крюков сформулировал ряд фундаментальных задач и по переводу источника, и по его исследованию как центрального памятника древнекитайского историописания: *«Мы должны ликвидировать свое отставание в области изучения китайских исторических источников и памятников культуры. Для решения этой задачи есть только один путь: дать советскому читателю научный перевод основных памятников древнекитайской литературы и истории»* [37, с. 120]. И сообщил, что *«в Институте китаеведения АН СССР начата подготовка полного перевода “Исторических записок”»* [37, с. 121]. То есть в Китай он ехал с настроением на учебу, чтобы суметь выполнить эту задачу.

¹⁰ Ему помог отец однокашника — И.А. Рогачева (1932–2012): *«В 1955 году, еще до поездки в Китай, я после окончания вуза был принят на работу в Институт востоковедения Академии наук СССР. По рекомендации профессора А.П. Рогачева меня взял в свою группу известный китаист И.М. Ошанин. Ему нужны были молодые специалисты для работы по составлению Большого китайско-русского словаря. Для нас, только что окончивших институт юнцов, это было трудное испытание [...]»* [56, с. 228–229].

А статья 1961 г. (29 лет) «Род и государство в иньском Китае», написанная в годы учебы в Китае и опубликованная в «Вестнике древней истории», ясно продемонстрировала его высокий уровень как ученого-древника и в целом, перспективность как специалиста [39]. В ней он, кстати, сделал свое первое открытие, которое вошло в науку: имена гадателей — не личные, а наследственные «родовые» [49, с. 37].

В 1965 г., на момент обсуждения диссертации, в свои 33 года он являлся автором не менее 10 научных работ (статьи и тезисы докладов). В них он опирался на знания древнекитайской истории и навыки, полученные во время учебы в Пекинском университете¹¹. Кроме того, он глубоко погрузился в этнологическую теорию, разрабатываемую коллегами-этнографами. К тому времени две его статьи вышли в центральном китайском археологическом журнале «Као-гу» [58; 59]. Еще одна опубликована в переводе на японский язык в специальном японском журнале по изучению *цзя-гу-вэнь* [42]¹². Иными словами, можно согласиться с В.А. Рубиным, который во время обсуждения сказал, что М.В. Крюков «является солидным ученым, пользующимся международным признанием».

М.В. Крюков не был одинок: тогда, в 50-е — начале 60-х гг., в Москве в близкой манере, но более осмотрительно (то есть ближе к задачам истмата), работали В.А. Рубин и Л.С. Переломов (род. 1928)¹³. Исследования

¹¹ Большая часть работ была посвящена периоду Шан-Инь (ок. 1300–1027 до н.э.) [38–40; 44]. Касался он и вопросов аутентичности древних памятников, демонстрируя знакомство с основами лингвистики [41]. Коснулся в сугубо этнологическом ключе и системы родства [43]. Он, если и писал о развитии «производительных сил», то на основе сугубо археологического материала, рассматривая данные об иньской металлургии [45]. В конце 1965 г. вышла статья, в которой рассматривалась проточжоуская письменность [46].

¹² Статья на японский язык была переведена Мацумару Митио (род. 1934), известным исследователем, автором и редактором многотомной «Истории Китая» на японском языке. См. [15, с. 9]. Благодарю М.В. Грачева за помощь в нахождении этой статьи М.В. Крюкова и транскрибировании ее названия.

¹³ В.А. Рубин изучал сообщения «Чунь-цю Цзо-чжуань» как основного письменного источника по периоду Чунь-цю (771–453 до н.э.). Он был одним из первых, если не первым послевоенным историком, кто начал исследовать конкретный источник как историк, источниковед и текстолог [80]. В статье 1954 г. он попытался привлечь внимание к археологическому описанию шанской столицы [81] и шанской эпиграфике [82]. Но эти темы не нашли развития в его научном творчестве. В изучении «Цзо-чжуани» он коснулся проблематики, связанной с социальной структурой — с проблемой рабовладения [83]. Свою диссертацию он посвятил рассмотрению социального устройства общества периода Чунь-цю [84; 85].

Л.С. Переломов сначала сосредоточился на изучении «классовой борьбы» в период перехода от империи Цинь к Хань в последнее десятилетие III в. до н.э. [68; 69; 71; 72]. Вместе с этим он изучал органы общинного самоуправления. Тогда эта тема была альтернативой идеологизированной теме рабства [70; 74–77]. Итоговым для того периода его научной деятельности стала монография 1973 г. по истории империи Цинь [73].

М.В. Крюковым периодов Шан и Западного Чжоу хорошо дополняли их работы по истории Чунь-цю, Чжань-го, Цинь и начала Западной Хань, то есть охватывали почти всю древность.

Однако его работы принципиально отличались и от их работ и тем более от работ по истории Древнего Китая Л.И. Думана, Л.В. Симоновской, Л.С. Васильева, Т.В. Степугиной, которые, обращаясь к истории, отдавали приоритет обществоведческим задачам: определению «общественного строя», описанию «производительных сил», «производственных отношений», «крестьянских войн» и пр.¹⁴ Сейчас большинство из положений их теоретических работ воспринимается как констатация очевидного: ремесленники занимались ремеслами, крестьяне — сельским хозяйством, рабы были и занимались рабским трудом, а угнетатели угнетали угнетенных и т.п. Попытки из наличия рабов

Постепенно, уже к середине 60-х гг., и тот и другой от истории стали отходить к изучению общественной мысли Древнего Китая.

¹⁴ Л.И. Думан в довоенное время издал фундаментальный исторический труд (1936 г.) и замечательные очерки Древней и Новой истории (1938 г.) в виде двух курсов лекций, которые «аттестовали» его как воспитанника «школы Алексеева»: «Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.», «Очерки по древней истории Китая», «Новая история Китая» [18–20]. В 1940 г. вышла историческая статья, посвященная Ван Ману и его реформам [21]. Тогда же вышел его краткий очерк истории Китая, который долго был одним из самых цитируемых [22]. В послевоенное время, до 1965 г., он — автор раздела о древности (до XII в. до н.э.) во «Всемирной истории» (1955 г.) и очерка истории, включая древность, в «Советской исторической энциклопедии» (1965) [24; 29]. В дальнейшем в отдельных статьях по древности он разрабатывал проблему общественного строя (1957 г.) и рабства (1961 г.) [26; 27]. Несколько особняком стоит статья о системе родства в эпоху Инь — теме, которую рассматривал и М.В. Крюков [28].

Л.В. Симоновская значительно меньше уделяла внимания древности, но тоже не обошла ее вниманием. В 1940 г. она (тогда ее фамилия писалась — Симонивская) высказала свои взгляды по вопросам возникновения классового общества в древнем Китае [96]. А затем, продолжив эту тему, дала периодизацию древнекитайской истории [97]. Ей принадлежит раздел о древности в совместном труде «Очерки истории Китая» (1956 г.) [98].

Т.В. Степутина в одной своей статье также размышляла о социально-экономических отношениях в шанском Китае, в другой раскрывала тему порабощения в империях Цинь и Хань [100; 101; 103]. Темы статей Л.И. Думана и Т.В. Степугиной пересекались: социально-экономические отношения (1957 и 1950), рабство (1961 и 1952), реформы Ван Мана (1940 и 1963). Другое дело, что диапазон Л.И. Думана был значительно шире, он продолжал заниматься любимым новым временем и степняками, а также высказывался по вопросам средневековой истории.

Л.С. Васильев, аспирант Л.И. Думана, разрабатывал тему аграрных отношений в Древнем Китае [5–7, 9, 11, 12]. Четыре его работы того времени, связанные с рассмотрением внешних контактов в истории древнего Китая, выходят за рамки обществоведения [4; 8; 13; 14]. В одной из статей была затронута исключительно важная для изучения Шан сугубо историческая тема — выявление значения и прослеживание эволюции понятия 邑 [10].

вывести существование «рабовладельческой формации» и тогда выглядели не очень убедительными.

М.В. Крюков в своих статьях, которые, очевидно, были знакомы коллегам, основывался на исследовании источников и научных теориях, в основном этнологических. Без всяких, как тогда говорили, «-измов». Но если сейчас это неоспоримое достоинство, то тогда — существенный недостаток, который надо было непременно исправить, опять же, как говорили, «любой ценой», не исключено, что «в принудительном порядке». Людей того времени нужно понять. Это теперь, когда говорится «рабовладение», то подразумевается выявление рабов как отдельной социальной группы. А тогда этот вопрос «шел в тесной увязке» с центральной истматовской теорией «социально-экономических формаций» и, следовательно, с постулируемой закономерностью перехода к социализму. Поэтому сомнение в «рабовладельческой формации» было равно отрицанию «закономерности Великой октябрьской социалистической революции» и «неизбежности перехода к коммунистическому обществу». Иными словами, в лучшем случае было проявлением «идеологической незрелости», а в худшем «попахивало антисоветчиной». И допустить такую «политическую близорукость» товарищи не имели права.

Участники обсуждения

Неординарность М.В. Крюкова как специалиста, который по своим знаниям, навыкам и научному потенциалу не укладывался в эти узкие рамки, хорошо видна из публикуемого документа — протокола обсуждения его кандидатской диссертации на заседании московской группы отдела Древнего Востока Института народов Азии АН СССР 30-го марта 1965 г.¹⁵ Из него можно узнать о том, как проходила встреча этого уже сформировавшегося этнолога и историка с коллективом востоковедов разных специальностей.

Итак, на дворе стоял март 1965 г. За полгода до этого, в октябре 1964 г., в СССР произошел переворот. Сейчас трудно воссоздать атмосферу того времени. Хорошо известно, какие настроения среди востоковедов пробудили веяния «хрущевской оттепели», но еще мало написано о последствиях переворота, о начале «брежневского застоя», о его воздействии на еще неокрепшие умы советских граждан, проживших первую часть жизни и сформировавшихся как личности в условиях «культа», после слегка опьяненных свалившимися на них с его разоблачением свободами, но затем, после снятия «волонтариста» и «кукурузника», быстро приходящих в норму. К тому же отношения с КНР тогда уже были безнадежно испорчены, и можно себе представить, как некоторые участники обсуждения восприняли соискателя, прожившего в «маоистском» Китае несколько лет, да еще закончившего там истфак.

И вот перед нами документ эпохи. Не такой далекой и не такой жестокой, как 30-е гг. Обычно работу диссертанта представляет научный руководитель.

¹⁵ Благодарю А.И. Кобзева, который познакомил меня с этим документом, сохранившимся в архиве ИВ РАН.

Однако при данном обсуждении научный руководитель соискателя не только не присутствовал, но даже упомянут не был. М.В. Крюков выступал один. От этнологов присутствовал Г.Г. Стратанович (1912–1977). Стенограммы выступления самого соискателя в протоколе нет. Можно предположить, что оно совпадало с содержанием автореферата [47].

Тон обсуждению задали китаисты, которые в меру сил, помаленьку, занимались историей Древнего Китая: А.А. Серкина и Т.В. Степугина. Для пущей убедительности они позвали филолога Л.Д. Позднееву (1908–1974).

Т.В. Степугиной на момент обсуждения исполнилось 42 года (род. 26 июня 1923 г.). В 1948 г. она окончила исторический факультет МГУ, но по возрасту не могла быть ученицей Г.С. Кара-Мурзы, кафедрой Дальнего Востока тогда уже руководила Л.В. Симоновская. Степень кандидата исторических наук получила еще в 1956 г. (13.06.1956) за работу: «Китай в V в. до н.э. — II в. н.э.». В начале пути работала в Институте истории (1951–1952), а к описываемому времени уже второй десяток лет являлась сотрудником Института востоковедения (1953–2005) [65, т. 2, с. 418]. Она — автор разделов о Древнем Китае во многих общих историях с послевоенного времени вплоть до 2010 г. [102, 104–107, 3]. Но печаталась мало — с 1950 по 1963 гг. опубликовала три статьи общего характера [99, 100, 102]. Исследованием каких-либо «узких» вопросов в истории Древнего Китая ранее, судя по публикациям, не занималась¹⁶. В своих работах, опираясь на теоретический фундамент «исторического материализма», она всесторонне описывала «производительные силы» и «производительные отношения» в Древнем Китае.

А.А. Серкина (род. 1915) — выпускница филологического факультета ЛГУ (1939 г.), служила в армии (1942–1943 гг.), была кадровым сотрудником МИДа (1943–1953), а затем трудилась в ИВ АН (1954–1984). Тогда ей уже исполнилось 50 лет, но список ее научных работ более чем скромнен. Она являлась автором одной обзорной историографической статьи о дискуссии среди китайских ученых о периодизации древней истории [90]. Тогда же появились две статьи, посвященные двум частным аспектам рассмотрения содержания «надписей на гадательных костях» — значению знака *ди* 帝 и охоте как виду хозяйственной деятельности простых шанцев (при этом оказались упущенными из виду сакральный и ритуальный аспекты охоты в придворной жизни) [91; 92]¹⁷. Свою диссертацию суровая критикесса тогда еще не защитила — ее автореферат датируется 1967 г., а ученую степень она получит в 1968 г.

¹⁶ Несколько особняком стоит статья про реформы Ван Мана, о которых писал Л.И. Думан в 1940 г. [21]. В ней она выступила с резкой критикой его выводов: «противоречивые высказывания автора о характере общественно строя приводят к тому, что и оценка мероприятий Ван Мана остается неопределенной» [103, с. 105].

¹⁷ Бросается в глаза небрежность в названии ее статей, ведь «гадательными костями» набор носителей надписей не исчерпывается — есть панцири черепах; еще менее удачно выражение «эпоха гадательных костей», которое вошло в название одной из статей.

В 1972 г. она рассмотрит еще один иероглиф: *ван* 王 («царь») [93]. Ее две монографии выйдут в следующие десятилетия — 70-е и 80-е гг. [94, 95].

(15 марта), то есть на два с половиной года позже М.В. Крюкова, который станет кандидатом наук уже 7 ноября 1965 г. [65, т. 1, с. 624, т. 2, с. 395].

А.А. Серкина занималась, как она считала, «дешифровкой» шанских иероглифов. И элемент исследования в ее работах, безусловно, был. На основе содержания надписей она рассматривала вопросы социально-экономической истории (рабство) и верований, а в последующем — мифологии, системы родства шанского периода и др. В послевоенное время представления о шанской письменности значительно расширились, наука о надписях (*цзя-гу-вэнь-сюэ*) заняла свое особое место в китайском языкознании, существенно усложнились и представления об истории Шан. Если М.В. Крюков за годы учебы в Китае познакомился с современным положением дел, то ее подход к шанским надписям был окрашен собственной индивидуальностью¹⁸.

Обеих дам объединяло и то, что, находясь «на пике формы» (42 года и 50 лет), они писали мало; серий статей, в которых последовательно разрабатывалась бы одна или несколько тем, ни тогда, ни потом у них не было. М.В. Крюков, несмотря на разницу в возрасте, выглядел более зрелым ученым.

Таким образом, на обсуждении присутствовали представители двух разных «научных направлений» советской синологии того времени. Большинство составляли историки-древники (Т.В. Степугина, А.А. Серкина), и это было господствующее тогда направление. Их поддерживали, должно быть, по-приятельски, литературоведы-древники (Л.Д. Позднеева и Э.М. Яншина). Второе направление, новое, только наметившееся, представлял М.В. Крюков, к нему же можно отнести и В.А. Рубина. Они остро чувствовали ограничения истматовского обществоведения. И стремясь к «классике» и «академизму», всячески расширяли подходы. Когда же их тянули в сторону «общественного строя» и «социально-экономической структуры общества», сопротивлялись как могли.

Ход обсуждения

Судя по первой реплике, это было второе обсуждение. Автору ранее уже указывали на недостатки, которые он должен был устранить, но он, что называется, упёрся и не устранил — никаких серьезных изменений в тексте и в выводах не сделал. То есть рекомендации товарищей учтены не были. Судя по записи, на их вопросы он отвечал прямо и страха не испытывал. По-видимому,

¹⁸ В статье 1967 г. «О датировке иньских гадательных надписей» М.В. Крюков так напишет об этом: «Если же подойти к надписям, использованным А.А. Серкиной, с позиций принятой в настоящее время методики датировки, то выведенная автором эволюция термина *ди* оказывается построенной на совершенно необоснованных субъективных умозаключениях [...] Основное соображение, побудившее автора поставить вопрос о пересмотре системы датировки гадательных надписей, оказывается ошибочным» [49, с. 40]. Там же Михаил Васильевич вскрыл и ограничения ее «метода», указав, что она не использует публикации первоисточников, а приводит цитаты из работы Чэнь Мэн-цзя, в которых тексты гадательных надписей представлены в урезанном виде.

такое поведение для него было естественным, но не могло не эпатировать некоторых присутствующих. Он явно не хотел уступать и стоял на своем. При этом стремился уйти от обществоведческих проблем. Например, чтобы не обсуждать вопрос об определении «первичного классового общества», заданный ему Т.В. Степугиной, заявил, что, по его мнению, государство в Китае возникло в VII в. до н.э., выходя за хронологические рамки его работы. Просто, чтобы отстали. Никто, кстати, не спросил — почему и на каком основании. Кстати, в тексте автореферата он говорит о XIV–IX вв. до н.э. как эпохе «становления классовых отношений и формирования государственности» [47, с. 25].

Тем не менее, тема исследования М.В. Крюкова — «патронимия» (так он передает китайский термин *цзун-цзу*), которую автор рассматривал как этнологическую, затрагивала обществоведов напрямую и очень серьезно. Дело в том, что понятия «род» и «семья» использовались ими при определении «общественного строя» и при характеристике уровня развития «производственных отношений». М.В. Крюков, вводя этот этнологический термин и предлагая коллегам новый для них этнологический подход, показывал, что именно патронимия является той социальной единицей, которая «имеет хозяйственное и идеологическое единство», и, напротив, подчеркивал, что «род» не является хозяйственной единицей и что его нельзя отождествлять с «большой семьей». Этот термин уже с 30-х гг. использовался отечественными этнографами, и он считал, что пора его ввести в китаистику [35].

Тем самым он покусился на ключевые обществоведческие термины, ведь речь шла об определении такого ключевого понятия истматовской науки, как «родовой строй». Теперь оказывается, что в основе социальной организации древнекитайского общества не «род» и не «семья», а некая «патронимия». И собственность на землю была не у «рода», а у какой-то там «патронимии»!¹⁹

Но сам-то М.В. Крюков ни о чем таком, соц-эковском, не пишет. Из текста автореферата хорошо видно, что его задача — этнологическая и отталкивается он не от истматовской теории, а от необходимости определить значение всех основных китайских понятий для исходных единиц социальной структуры с точки зрения терминологии родства. Это, прежде всего, *цзун-цзу* (совр. «клан»), который он и определяет как патронимию; в отдельном разделе он показал его отличие от понятия *цзя* 家 (совр. «семья»). При этом (неслыханное дело!) он описал эволюцию значений всех терминов от периода к периоду. Например, *цзя*: от «некой родственной группы» в несколько тысяч человек (XIV–X вв. до н.э.) к «большой семье» (также XIV–X вв. и позднее), а затем к «малой семье» (в V–IV вв. до н.э.). Отдельная глава посвящена рассмотрению наследственных наименований: *син* 姓 и *ши* 氏 — важнейшая, кстати, задача, и не только с этнологической, но и с исторической точки зрения. Понимание значения этих терминов позволяет разобраться в родственных свя-

¹⁹ В книге 1967 г., написанной на основе диссертации, он скажет совсем определенно: «С самого начала своего возникновения патриархальный род частично децентрализован и не несет хозяйственных, производительных функций (выделено мною. — М.У.)» [48].

зях основных исторических персоналий. Ведь в общественной жизни прошлого и в политической борьбе, которую они вели, родовые отношения и родственные связи играли определяющую роль.

Решив эту задачу, М.В. Крюков дает ясные определения: *син* — восходящее к тотему родовое имя, а *ши* — патронимическое наименование или общее наследственное имя всех членов патронимии, то есть групп семей, происходящих от общего предка по мужской линии. Кроме того, он показывает и еще одно значение *син* — собственно род как таковой. Проследившая эволюцию термина, он обращает внимание, что *син* постепенно вытесняется *цзун-цзу*; по его мнению «исчезновение родовой организации *син* в древнем Китае может быть датировано серединой 1-го тысячелетия до н.э.» [47, с. 24–25].

Из всех присутствующих к выкладкам М.В. Крюкова прислушался только В.А. Рубин, высказавший восхищение его толкованиями этих терминов.

А.А. Серкина задавала вопросы, которые едва ли уместны при обсуждении диссертации, даже заставила диссертанта написать иероглиф «женщина» (!), и он написал (!).

Еще один прямой вопрос А.А. Серкиной: «Где Вас научили читать древние тексты?» — выводил соискателя на «линию огня». Он прямо ответил: «Я учился в Москве и в Пекине; древние тексты изучал под руководством профессоров Пекинского университета». Как это понимать? Обучался в логове маоизма и дремучего традиционализма или все-таки у лучших специалистов своего времени?

И тут «огонь на поражение» повела Л.Д. Позднеева. Выяснилось, что учеба в Китае не давала никаких преимуществ, наоборот: «*Китайцы отучили Вас [...] критически анализировать тексты. [...] Китайцы научили Вас преклоняться перед традицией [...] китайские догматики [...]*».

Среди резких слов Л.Д. Позднеевой была и такая филиппика: «*Трудно уяснить, какой школы вы придерживаетесь, кто Ваши учителя?*»²⁰. Ей вторит Т.В. Степугина. Из ее реплики видно, что понимание «школы» у нее очень специфическое: «*Здесь я хочу отметить следующее. Мы следуем в своей работе школе В.В. Струве, Вы же не признаете никаких школ, для Вас не существует никаких "школ" исследований по вопросу об общине*». В этой фразе допущена недопустимая для академической среды подмена понятий.

Выражение «школа Струве» — эвфемизм, не говорить же «школа т. Сталина». Люди того времени могли и забыть, но сейчас необходимо знать, что в исторической науке, и, конечно, в востоковедении, тенденция в определении общественного строя государств древности, подталкиваемая сталинским партийным руководством, склонилась к рабству. В сфере изучения Древнего Востока основ-

²⁰ Данное направление обсуждения сейчас представляется исключительно странным. Представим: если иностранец изучал историю Новгорода в МГУ, то берестяные грамоты, наверное, его учили читать В.Л. Янин и А.А. Зализняк или их ученики, а если проходил стажировку в Пушкинском доме, то, наверное, «Повесть временных лет» читалась не без участия Д.С. Лихачева. Плохому же не научат.

ной фигурой в адаптации этой партийной установки стал египтолог В.В. Струве (1889–1965). В 1929 г. он был сторонником «феодализма» (что попахивало троцкизмом), в 1931 г. — азиатского способа производства (что выдавало в нем политически близорукую сторонника камене-зиновьевского блока) [17, с. 93]. Но уже в 1932 г. нащупал верную линию и заявил, что на Древнем Востоке «преобладающей формой классового угнетения было рабство» [109, с. 7–29].

И это было «единственно верной», т.е. сталинской, позицией. Уже в 1933 г. с возобладанием И.В. Сталина в партии и в управлении государством в изучении Древнего Востока тоже окончательно возобладала концепция рабовладельческого строя. 19 февраля в речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников он произнес такие слова, определившие дальнейшее развитие исторической науки: *«Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменялись другими эксплуататорами. [...] Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся»* [99, с. 412].

Отсюда принадлежность к «школе Струве» — это следование доктрине или, точнее, партийной установке, которая и стала частью «научной» теории историков²¹. Неслучайно реплика по поводу «школы Струве» вызвала ироническую реплику египтолога И.А. Стучевского (1927–1989) о том, что сам Струве недавно вновь признал АСП (азиатский способ производства) — конечно, ведь еще не закончилась десталинизация и, как говорили тогда, «было можно».

Дамы сошлись на том, что в работе отсутствовало исследование текстов источников. Сентенции по поводу необходимости «критически анализировать древние тексты», «датировке и интерпретации древних памятников уделено только 27 строк» и пр. вызывают недоумение, ведь тема работы не источниковедческая, существует же историография, игнорировать опыт ученых предыдущих поколений (например, Б. Карлгрена, на которого часто ссылался М.В. Крюков), которые эту работу уже проделали — неправильно, да и физически невозможно, ведь нельзя же всякий раз, приступая к какой-либо теме, заново пересматривать все источники.

Странно звучит требование доказывать каждое слово и положение, ведь для того и существуют научные теории, высказывая которые, ученый осво-

²¹ Это же словосочетание, «школа Струве», но уже в негативном ключе, будет упомянуто Т.В. Степутиной в предисловии к посмертному изданию монографии К.В. Васильева (1932–1987) в 1998 г.: «[...] его концепция во многом отличается от ортодоксальной школы В.В. Струве. В целом автор придерживается историко-методологического направления И.М. Дьяконова. Но ближе всего ему конкретно-исторический исследовательский подход Ю.Я. Перепелкина» [108, с. 7]. Из трех использованных понятий: «школа», «направление», «подход», пожалуй, последнее является наиболее подходящим.

бождает себя от необходимости доказывать уже доказанное (Т.В. Степугина, Г.М. Бауэр). Также мало уместны предложения исследовать то, что сам исследователь исследовать не собирался (Г.М. Бонгард-Левин). Впрочем, все это стандартные «вопросы на засыпку».

Едва ли уместным было и припоминание о графическом анализе древних иероглифов. В этой фразе отразились представления, которые были широко распространены в XIX в. (В.П. Васильев, С.М. Георгиевский), согласно которым смысл иероглифов был сокрыт в их графике, и, рассматривая ее, якобы можно узнать о жизни древнего общества. Возвращение к этому в 50–60-х гг. XX в. являлось шагом назад, вело в тупик (в котором и оказалась А.А. Серкина).

Обрушиваясь на М.В. Крюкова, Т.В. Степугина выпустила из памяти слова Л.И. Думана, который еще в 1954 г. так высказался о ее собственных подходах к работе с источниками в статье, написанной в 1952 г., когда ей было чуть меньше лет, чем М.В. Крюкову в 1965 г.: *«Статья Т.В. Степугиной "О способах познания в древнем Китае во времена империи Цинь и ранних Хань" представляет несомненный интерес, хотя в советской исторической литературе проблема рабства в древнем Китае ставилась уже не раз. Эта небольшая статья могла бы представлять еще большую ценность, если бы она была насыщена конкретным материалом. Но автор редко ссылается на источники и еще реже приводит факты, заставляя читателя верить на слово»* [23, с. 95]²².

Неусвоенный урок, данный Л.И. Думаном, заключался в том, что слова критики, в конечном счете, были адресованы не ей, а ее руководителям, «старшим товарищам», Л.В. Симоновской и М.Ф. Юрьеву: *«Следует упрекнуть редакторов сборника и руководство кафедры истории стран Дальнего Востока за их невнимательное отношение к статьям молодых авторов. Надо учить молодых авторов писать так, чтобы выводы вытекали из данных источников»* [23, с. 95–96].

Старшие коллеги, несинологи, включая И.М. Дьяконова, напрямую М.В. Крюкова не поддержали. Наверное, решили не вмешиваться. Единственно, что поиронизировали (ох, уж эта всепрощающая и всепопускающая ирония!) над обществоведами, сказав, что требовать от соискателя ответа на вопрос, «какое было классовое общество», нельзя, поскольку вопрос о «первичных обществах на древнем Востоке находится в состоянии переосмысления, идет острая дискуссия». Конечно, ведь в стране только что сменилось партийное руководство, и все ожидали новых «единственно верных» предначертаний.

²² В статье 1963 г. она ответит Лазарю Исаевичу, доказывая несостоятельность его выводов о реформах Ван Мана: *«Л.И. Думан по существу отрицает социально-экономическое развитие древнего и средневекового Китая. Это не дает возможности выявить специфику исследуемых автором явлений и, в частности, определить историческое значение реформ Ван Мана»* [103, с. 106]. Дело в том, что Лазарь Исаевич в статье 1957 г. высказался в том духе, что в Китае с V в. до н.э. по XX в. господствовал феодализм, она же определила Западную и Восточную Хань как рабовладельческую империю [103, с. 116].

Достоин повел себя В.А. Рубин — единственный, кто высказался по существу и отметил главные достижения диссертанта. Коллега-этнолог Г.Г. Стратанович вилял, наверное, не желая накалять ситуацию, а будущий академик Г.М. Бонгард-Левин тонко уловил тональность обсуждения и после нескольких усилий вывел свою речь на критику в общем духе.

В целом, с точки зрения сегодняшнего времени, некоторые выступления представляются неоправданно жесткими, некоторые недостаточно продуманными — многих объединяет простодушие, прямота и резкость. Большинство суждений поверхностны и высказаны не по существу. Легко заметить, что вопросов, а тем более обоснованных замечаний по сути диссертации не было. Никто не попросил соискателя объяснить те или иные выводы. Имя научного руководителя и консультантов упомянуто не было.

М.В. Крюков держался спокойно и стойко. Его последнее слово было кратким, он не стал вступать ни в перепалку, ни в объяснения, только поблагодарил всех выступавших и пообещал продумать «острую критику», кроме того, напомнил, что представил работу на обсуждение «в частном порядке, поскольку хотел знать мнение товарищей». Вот и узнал!

Собственно основное мнение товарищей и было сформулировано в пункте 3 восстановления: *«история семейных и родовых отношений в древнем Китае реконструируется в диссертации без учета социально-экономической структуры общества»* (выделено мною. — М.У.)».

Читая этот протокол, нельзя не задаться вопросом: нужно ли вообще обсуждать научные работы? Еще как нужно! Кто же спорит. Другое дело — как это делать. Ведь любое суждение в гуманитарных науках субъективно, тем более оценка работы другого специалиста, особенно принадлежащего к иному научному направлению. Не каждый коллектив может справиться с этой задачей, и не всякий руководитель может подготовить обсуждение и удержать его в должных этических и рациональных с точки зрения дальнейшего развития науки рамках. Поэтому зачастую прав оказывается тот, кто старше, кто обладает степенями и званиями, занимает административную должность и пр.

Ученый — явление культуры уникальное, он, как правило, очень восприимчив к мнению окружающих. Обсуждение научной работы, тем более диссертации, оставляет отпечаток на всю дальнейшую научную жизнь. Критические замечания, высказанные даже в самой мягкой форме, переносятся непросто, что говорить о жесткой и тем более «нелицеприятной» критике «старших товарищей». Поэтому при оценке работы должна быть высказана и комплиментарная часть. Умение похвалить — важный показатель культуры и профессионального уровня. Критиковать несложно — в работе любого специалиста можно найти слабые места. Сложнее увидеть достижения, а тем более помочь автору развить их. Для этого требуется хорошо владеть материалом и быть заинтересованным в развитии своей отрасли науки; еще нужно

уметь справляться с завистью и ревностью, неизбежными спутниками творческого процесса.

Выступая с критикой представителя иного направления, нужно быть очень осмотрительным, так как современнику не дано знать, какое из направлений окажется исторически перспективным и будет востребовано (подхвачено) следующими поколениями. В рассмотренном случае очевидно, что подход Т.В. Степугиной к истории Древнего Китая и А.А. Серкиной к содержанию шанских надписей оказался фактом истории советской науки и ныне интересны они лишь в этом качестве, а вот дискурс, предложенный М.В. Крюковым, востребован и сейчас.

Оба направления уравнило то, что они не породили научных «школ». Поэтому нельзя не задаться вопросом: а что, если бы присутствующие похвалили М.В. Крюкова, помогли ему доработать текст и приняли участие в формировании вокруг него исследовательского коллектива?

Научные последствия обсуждения

Михаил Васильевич остался верен себе. Диалог с оппонентами был им продолжен в академическом формате — в статьях и в книгах. Внутренний диалог автора с оппонентами на обсуждении нашел отражение в автореферате (1965 г.). В нем М.В. Крюков продемонстрировал самостоятельность мышления и научную смелость. Он начинается со слов, которые обращены ко всем отечественным историкам-китаистам: *«Проблема периодизации с-э истории Китая, вот уже более тридцати лет занимающая умы историков-китаистов, до сих пор не может считаться решенной»* [47, с. 1]. И далее, не зная пощады по отношению к советским обществоведам от синологии, он пишет: *«В марксистской исторической науке еще не сложилось единого мнения о том, когда древнекитайское общество завершило переход от первобытнообщинного общества к классовому; продолжаются споры и по поводу того, когда в Китае на смену рабовладению пришел феодализм»* [47, с. 1].

Иными словами, автор показал, что обществоведческий подход с его задачей зашел в очевидный тупик: *«Как ни парадоксально прозвучит такое утверждение, но неразработанность периодизации древнекитайской истории объясняется прежде всего тем, что историки слишком много занимались вопросом периодизации»* [47, с. 1]. И очень четко показал суть проблемы: *«Вместо анализа внутренней структуры социальной организации на данном этапе ее развития, некоторые исследователи априори относят ее к тому или иному типу, исходя при этом из своей точки зрения на периодизацию социально-экономической истории Китая»* [47, с. 1–2]. И более того, наметил выход из тупика: *«Между тем, задача историка заключается не в том, чтобы обозначить тип социальной структуры, исходя из того, какая формация господствовала, по его мнению, в данную эпоху. Напротив, изучение эволюции социальных институтов может, в совокупности с освещением прочих аспектов исторического процесса, подвести к вопросу периодизации истории Китая»* [47, с. 2].

Именно этим подходом и этой задачей и был обусловлен выбор М.В. Крюковым в качестве предмета изучения рода и патронимии. Для него было важно то, что род не мог представлять собой хозяйственный коллектив, и если отделить понятие «род» от понятия «семья» корректно, то окажется, что в качестве хозяйственных, общественных и идеологических социальных единиц могут рассматриваться те группы семей, которые сохраняют хозяйственное единство; их и называют «патронимиями» [47, с. 4].

Может быть для того, чтобы все это так четко осмыслить и сформулировать, и нужны были «обсуждения»?

Вместо заключения

Уже в 50-е гг. М.В. Крюков проявил себя очень ярко, учеба в Китае значительно повысила его научный потенциал. Поэтому его присутствие в общественно-ведческой среде могло быть немой укором коллегам, которые, отлично владея «единственно верной марксистско-ленинской методологией», в профессиональной сфере, похоже, чувствовали себя не очень уверенно (оказалось, что «многие древние тексты еще не дешифрованы»). Невольно складывается впечатление (хочется верить, что ошибочное), что задача этой части собравшихся заключалась в том, чтобы закрыть соискателю путь в Институт народов Азии АН СССР. Из обсуждения видно, что они видели в М.В. Крюкове чужака, испытывали ревность к его достижениям и научному потенциалу, и, очевидно, понимали в его работе далеко не всё.

Еще одна цель заключалась в том, чтобы указать молодому, да раннему на его место. Ну, указали. И что?

В том же году диссертация «Род и патронимия в древнем Китае» на соискание ученой степени кандидата исторических наук была защищена в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, то есть уже через несколько месяцев после обсуждения. А в 1967 г. под грифом этого же института вышла замечательная монография, написанная на основе диссертации, ее название получило более историческое звучание: «Формы социальной организации древних китайцев». Ее ответственным редактором стал руководитель ленинградского отделения этнограф Р.Ф. Итс [48].

Возможно, обсуждение среди востоковедов — ход, подсказанный кем-то из этнологов. Ведь в 1965 г. в Институте этнографии разгорался кризис передачи власти. Кризис затянулся. Кто станет новым директором, долгое время не было ясно. Директор С.П. Толстов тяжело болел, мнения коллектива разделились. А когда на этот пост был предложен молодой (44 года) Ю.В. Бромлей, то события в институте приняли нешуточный оборот. Несколько коллег, в том числе Р.Ф. Итс, даже обратились в ЦК КПСС с просьбой не утверждать его на этом посту [16, с. 611–612].

Ю.В. Бромлей, который был назначен директором института только в следующем 1966 г. (и пробыл на этом посту до 1989 г.), смог объединить вокруг себя весь коллектив. И как администратор, и как человек он, бесспорно, под-

держивал М.В. Крюкова. Став директором, по словам С.И. Вайнштейна, «в период обострения отношений с КНР он ни в коей мере не поддавался усилиям пропагандистской машины, пытавшейся преуменьшить роль китайской цивилизации во всемирной истории, что в то время угодливо делали не только многие публицисты, но некоторые ведущие востоковеды. Бромлей говорил мне, что одобряет позицию в этом вопросе синоведа М.В. Крюкова — в то время ведущего сотрудника ИЭ, который ни разу не позволил себе в сложившейся ситуации необъективности в оценке истории Китая» [16, с. 621].

Безусловно, помощника и товарища видел в нем и Н.Н. Чебоксаров (1907–1980), тогда заведующий отделом зарубежной Азии, Австралии и Океании, внесший неоценимый вклад в изучение антропологии народов Восточной Азии [114]. Судя по всему, именно он и другие этнологи-востоковеды (синологи Р.Ф. Итс, А.М. Решетов, кореевед Р.Ш. Джарылгасинова и др.) могли по достоинству оценить его исключительный научный потенциал и человеческие качества.

Обсуждение должно было помочь ему окончательно осознать себя в качестве этнолога, увидеть себя частью этнологического, а не историко-обществоведческого сообщества. Так и произошло — его подлинной специализацией стала этнология.

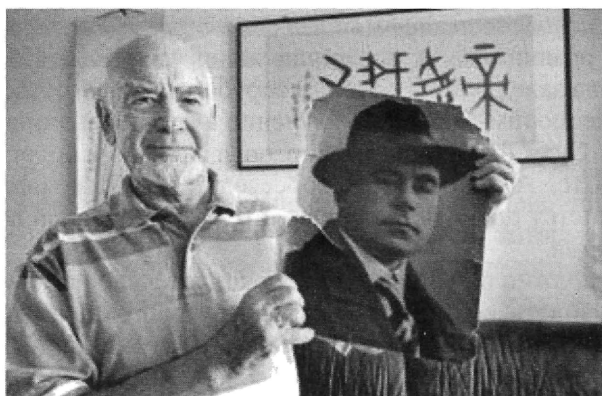
Завершая статью, позволим себе напомнить один из выводов основоположника кибернетики (науки об управлении сложными динамическими системами и процессами) Эшби, который заключался в том, что «никакая система не может произвести ничего нового, если не имеет в своём составе некоторый источник случайного» [2, с. 145]. Именно таким «источником случайного», на наш взгляд, волею судеб и стал в китаеведческой среде того времени М.В. Крюков с его навыками, знаниями и неожиданным этнологическим подходом. Именно он, как «творческая подсистема», мог повести всю систему к развитию, поэтому, когда среда востоковедов-историков Института народов Азии его отторгла, он смог реализовать себя в среде этнологов Института этнографии, которая его приняла. Результат — впечатляющий²³.

Научную значимость ученого, его «вес» в истории науки и, соответственно, в национальной культуре, современники отчетливо видят редко. Истинное признание находит ученого уже в зрелом возрасте. Сейчас, когда выдающееся место М.В. Крюкова в отечественной китаистике очевидно, ясно и то, что, окажись он слабее характером и не имей такой поддержки среди этнологов, не вышли бы в свет многие замечательные труды, которые составили гордость отечественной науки. Можно только предполагать, что, получи он тогда поддержку и одобрение историков, их было бы еще больше.

Настоящим, в советском понимании, «историком» он так и не стал. И уже в преклонном возрасте, когда придет пора подводить итоги, он о древности

²³ Достаточно назвать шесть томов этнической истории китайцев — настольных книг каждого китаиста, в которых он написал основные этнологические и исторические разделы [50–55].

будет писать только по-китайски [60–63]. А на русском выпустит две книги (2000 и 2015 гг.) по ... советско-китайским отношениям в первые годы советской власти [56, 57]. В них он покажет класс и в работе с архивными документами, и в интерпретации исторических событий, да и в сохранении памяти о своей семье — о дяде М.Г. Попове²⁴.

М.В. Крюков с фотографией М.Г. Попова

И это сейчас, когда уже несколько десятилетий КНР переживает бум публикаций новых археологических данных и эпиграфических источников. На глазах ни много ни мало меняется парадигма осмысления древней истории страны, которой он занимается всю свою жизнь. А М.В. Крюков, специалист высочайшей квалификации, оказался вне этого процесса в российском востоковедении²⁵.

Отсюда и важность публикации такого рода документов, как нижеследующий. В запечатленных протоколах диалогов с величественной простотой античной трагедии раскрывается глубочайший драматизм ситуации и объясняется, почему колоссальные возможности, которые предоставляют МГУ и научно-исследовательские институты Академии наук, не реализуются в полной мере.

²⁴ В частности, в книге 2000 г. он так высказался по поводу отличий в отношении к источникам специалистов по древней и средневековой истории от коллег, занимающихся новейшей историей: *«К сожалению, их коллеги, занимающиеся новейшей историей [...] зачастую куда менее строги по отношению к своим источникам. Нередко можно видеть, как восстанавливая историческую ткань древнего прошлого, авторы вообще не касаются проблем “внешней” и “внутренней” критики источников, для любого античника являющейся неотъемлемой предпосылкой и составной частью исследования, его альфой и омегой»* [56, с. 166].

²⁵ Даже во втором томе академического издания «Истории Китая» лишь перепечатано то, что было написано им около 40 лет назад [30].

Литература

1. Академик А.А. Губер: к 100-летию со дня рождения. Воспоминания, речи, статьи. М., 2004.
2. Бейтсон Г. Разум и природа. Неизбежное единство. М., 2007.
3. Бокищанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В. История Китая: древность, средневековье, новое время. М., 2010.
4. Васильев Л.С. Бань Чао в Западном Крае // Вестник древней истории, 1955, № 1.
5. Васильев Л.С. Аграрные отношения в начале 1 тысячелетия до н.э. // Вестник древней истории. 1957, № 2.
6. Васильев Л.С. Исследования Го Мо-жо о рабстве в древнем Китае // Советское китаеведение. 1958. № 2.
7. Васильев Л.С. Аграрные отношения и община в древнем Китае в начале I тыс. до н.э., автореферат кандидатской диссертации, М., 1958.
8. Васильев Л.С. Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник Института мировой культуры, 1958.
9. Васильев Л.С. Земледелие в древнем Китае // Вестник института мировой культуры, 1960, № 2.
10. Васильев Л.С. Об эволюции древнекитайского термина *И* // Вестник древней истории, 1961, № 2.
11. Васильев Л.С. Проблема *цзин тянь* // Китай. Япония. История и филология. М., 1961.
12. Васильев Л.С. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961.
13. Васильев Л.С. Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь // Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.
14. Васильев Л.С. О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации // Народы Азии и Африки. 1964, № 2.
15. Войтишек Е.Э., Семенова М.В. Изучение археологии Китая японскими учеными (материалы к курсу «зарубежная археология» // Вестник Новосибирского университета. Серия: история, филология. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография. 2010.
16. Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. М., 2004.
17. Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годеса, М. 1931.
18. Думан Л.И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. М.–Л., 1936.
19. Думан Л.И. Очерки по древней истории Китая (XII в. до н.э. – I в. н.э.). Л., 1938.
20. Думан Л.И. Новая история Китая. Лекции, прочитанные доцентом Л. И. Думаном. Ч. II. Китай в XVII–XVIII вв. Л., 1938.
21. Думан Л.И. Реформы Ван Мана // Вестник древней истории. 1940, № 1.
22. Думан Л.И. Очерк истории Китая (С древнейших времен до эпохи милитаризма) // Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сб. статей под ред. акад. В.М. Алексеева, Л.И. Думана и А.А. Петрова. М.–Л., 1940.
23. Думан Л.И. О сборнике статей по истории стран Дальнего Востока // Краткие сообщения Института востоковедения. 1954. XI.
24. Думан Л.И. Гл. XVII. Древнейший Китай (до XII в. до н.э.); Гл. XXVI. Рабовладельческое общество Китая в XII–VI вв. до н. э. // Всемирная история. Т. 1. М. 1955.
25. Думан Л.И. Жизнь и деятельность Сыма Цяня (2100 лет со дня рождения) // Советское востоковедение. 1956, № 4.

26. *Думан Л.И.* К вопросу о социально-экономическом строе Китая в III в. до н.э. – I в. н.э. // Вопросы истории. 1957, № 2.
27. *Думан Л.И.* О роли рабства в эпоху Инь (XIV–XI вв. до н.э.) // Китай, Япония. История и филология. К 70-летию акад. Н.И. Конрада. М., 1961.
28. *Думан Л.И.* Система родства и реальные формы брака в эпоху Инь // Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 53. М., 1962.
29. *Думан Л.И.* Китай. Исторический очерк (до конца 18 в.) // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965.
30. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / Гл. ред. С.Л. Тихвинский. Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) / Отв. ред. Л.С. Переломов. М., 2013.
31. *Кара-Мурза Г.С.* Древний Китай (лекции). М., 1939.
32. *Кара-Мурза Г.С.* Лекции по истории Китая в Средние века. М., 1940.
33. *Кара-Мурза Г.С.* Очерки по новой истории Китая. Вып. 2. Открытие Китая. М., 1939.
34. *Кара-Мурза Г.С.* Очерки по новой истории Китая. Вып. 5. М., 1941.
35. *Косвен М.О.* Патронимия и ее роль в истории общества. М., 1964.
36. *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями: листки воспоминаний о книгах и людях. М. 1965.
37. *Крюков М.В.* Некоторые вопросы перевода и популяризации «Исторических записок» Сыма Цяня // Советское востоковедение. 1957, № 3.
38. *Крюков М.В.* Иньская цивилизация и бассейн реки Хуанхэ // Вестник истории мировой культуры. 1960, № 4.
39. *Крюков М.В.* Род и государство в иньском Китае // Вестник древней истории. 1961, № 2.
40. *Крюков М.В.* Новые публикации иньских надписей из японских собраний // Вестник истории мировой культуры. 1961.
41. *Крюков М.В.* Древнекитайские диалекты и проблема аутентичности письменности памятника (тезисы докладов) // Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. Л., 1963.
42. *Крюков М.В.* Бокудзи-ни мизта сю: то сю:дзин-ни цуйтэ (卜辭に見えた「眾」と「眾人」について О «чжун» и «чжун-жэнь» в гадательных надписях) // Ко:коцу гаку. Т. 10, 1964.
43. *Крюков М.В.* Древнекитайская система родства и вопрос о приоритете систем турано-ганованского типа // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август, 1964. Доклады. М., 1964.
44. *Крюков М.В.* У истоков древних культур Восточной Азии // Народы Азии и Африки. 1964, № 6.
45. *Крюков М.В.* О развитии производительных сил в Китае в 15–11 вв. до н.э. (на примере иньской металлургии) // Народы Азии и Африки. 1964, № 3.
46. *Крюков М.В.* Проблема проточжоуской письменности // Народы Азии и Африки. 1965, № 6.
47. *Крюков М.В.* Род и патронимия в древнем Китае. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1965.
48. *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
49. *Крюков М.В.* О датировке иньских гадательных надписей // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика). М., 1967.
50. *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы. Проблемы этногенеза. М., 1978.

51. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
52. Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
53. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М., 1984.
54. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987.
55. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. М., 1993.
56. Крюков М.В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова (документальная повесть). М., 2000.
57. Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 1. 1917–1922. М., 2015.
58. Лю Кэ-фу 刘克甫. Аньян Хоуган юань-син цзан-кан нянь-дай ды шан-тао (安阳后冈圆形葬坑年代的商讨 К датировке круглого могильника из Хоугана. Аньян) // Као-гу, 1961, № 9.
59. Лю Кэ-фу 刘克甫. Си-Чжоу цзинь-вэнь «цзя» цзы бянь-и (西周金文“家”字辨义 Интерпретация термина «цзя» на западночжоуской бронзе) // Као-гу, 1962, № 9.
60. Лю Кэ-фу 刘克甫. Лунь Иньсюй бу-цы вэнь-фа цы-вэй янь-цзю фа (论殷墟卜辞文法词位研究法 О грамматико-лексическом методе исследования гадательных надписей из Иньсюй) // Чжун-юань вэнь-у. 1990, № 3.
61. Лю Кэ-фу 刘克甫. Гуань-юй дуй-цзу да-цзы-лэй бу-цы нянь-дай вэнь-ти ды тань-тао (关于 dui 组大字类卜辞年代问题的探讨 Обсуждение проблемы датирования гадательных надписей группы дуй) // Као-гу, 2001, № 8.
62. Лю Хуа-ся 劉華夏, Лю Кэ-фу 刘克甫. «Бо», «чжун», «шу», «цзи» юй Си-Чжоу Цзинь — хоу-ши-си «б», «ч», «с», «с» 與 西周晋侯世系 «Бо», «чжун», «шу», «цзи» и генеалогия правителей царства Цзинь [эпохи] Западного Чжоу) // Као-гу, 2008, № 4.
63. Лю Кэ-фу 刘克甫. Иньсюй сы-ци вань-дуань и-цунь нянь-дай куй-гуань (殷墟四期晚段遗存年代窥观 Наблюдения о датировании позднего этапа четвертого периода истории памятника Иньсюй) // Као-гу, 2011, № 11.
64. Малявин В.В. Российское китаеведение — устная история. <http://old.ivran.ru/publications/57>.
65. Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Т. 1–2. М., 1995.
66. Никифоров В.Н. Советская историография Китая в первые послевоенные годы (1946–1949) // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 85. История и историография стран Дальнего Востока. М. 1964.
67. Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М. 1970.
68. Переломов Л.С. Крестьянское восстание в Китае в 209–208 гг. до н.э. // Советское востоковедение. 1956, № 3.
69. Переломов Л.С. Сыма Цянь о Чэнь Шэне (пер., вступит. ст. и коммент.) // Советское китаеведение. 1958, № 4.
70. Переломов Л.С. Об органах общинного самоуправления в Китае V–III вв. до н.э. // Китай и Япония. История и филология. К 70-летию академика Николая Иосифовича Конрада. М., 1961.
71. Переломов Л.С. Народные движения в Китае в 209–202 гг. до н.э. // Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 53. 1962.

72. *Переломов Л.С.* О характере движущих сил войны 209–202 гг. до н.э. в Китае // Народы Азии и Африки. 1962, № 1.
73. *Переломов Л.С.* Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221–202 г. до н.э.). М., 1962.
74. *Переломов Л.С.* Община и семья в древнем Китае (III в. до н.э. — III в. н.э.) // Материалы VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1964.
75. *Переломов Л.С.* О характере сельской общины в период Хань // Народы Азии и Африки. 1965, № 1.
76. *Переломов Л.С.* Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае IV в. до н.э. — III в. н.э. // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока, М., 1966.
77. *Переломов Л.С.* О значении терминов *фу лао* и *сань лао* в эпоху Хань (III в. до н.э. — III в. н.э.) // Историко-филологические исследования. М., 1967.
78. *Радек К.Б.* Основные вопросы китайской истории // Новый Восток, кн. 16–17, 1927.
79. Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами. XX–XXI в. Т. 1. М., 2014.
80. *Рубин В.А.* О датировке и аутентичности «Цзо чжуань» // Проблемы востоковедения. 1951, № 1.
81. *Рубин В.А.* Раскопки гробницы, могил и остатков жилищ эпохи Инь // Вестник древней истории, 1954, № 1.
82. *Рубин В.А.* К 50-летию изучения иньских надписей в Китае // Вестник древней истории, 1954, № 2.
83. *Рубин В.А.* Рабовладение в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. (по данным «Цзо чжуань») // Вестник древней истории. 1959, № 3.
84. *Рубин В.А.* «Цзо-чжуань» как источник по социальной истории периода Чунь-цю. Автореф. канд. ист. наук. М., 1960.
85. *Рубин В.А.* Народное собрание в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1960, № 4.
86. *Рубин В.А.* Дневники. Письма. Кн. 1, 2. Иерусалим, 1988.
87. *Сафаров Г.И.* Древнейший период китайской истории // Новый Восток, кн. 18, 1927.
88. *Сафаров Г.И.* Классы и классовая борьба в китайской истории. М., 1928.
89. *Сафаров Г.И.* Очерки по истории Китая. М., 1933.
90. *Серкина А.А.* Дискуссия китайских ученых о периодизации древней истории Китая // Советское востоковедение. 1956, № 6.
91. *Серкина А.А.* Значение знака «ди» в надписях на гадательных костях // Вестник древней истории. 1962, № 1.
92. *Серкина А.А.* Значение охоты в Китае в эпоху гадательных костей // Краткие сообщения Института народов Азии (АН СССР). № 61. Древний Восток, Индия, Китай, Япония, Таиланд. М., 1963.
93. *Серкина А.А.* Графическая символика знака «царь» в древнейшем китайском письме // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
94. *Серкина А.А.* Опыт дешифровки древнейшего китайского письма (надписи на гадательных костях), М., 1973.
95. *Серкина А.А.* Символы рабства в древнем Китае. М., 1982.
96. *Симонивская Л.В.* Возникновение и развитие государства в древнем Китае // Исторический журнал. 1940, № 7.

97. *Симоновская Л.В.* Вопросы периодизации древней истории Китая // ВДИ. 1950, № 1.
98. *Симоновская Л.В., Эренбург Г.Б., Юрьев М.Ф.* Очерки истории Китая. М., 1956.
99. *Сталин И.В.* Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Вопросы ленинизма. М., 1939.
100. *Степугина Т.В.* К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае в XIV–XII вв. до н.э. // Вестник древней истории. 1950, № 2.
101. *Степугина Т.В.* О способах порабощения в древнем Китае во времена империи Цинь и Ранних Хань // Сборник статей по истории стран Дальнего Востока. М., 1952.
102. *Степугина Т.В.* Гл. XIV. Китай в V–III вв. до н.э.; гл. XV. Китай в конце III — начале I вв. до н.э.; гл. XVI. Китай в середине I в. до н.э.— II в. н.э. // Всемирная история. Т.2. М., 1956.
103. *Степугина Т.В.* Реформы Ван Мана в Китае в начале I в. н.э. // Краткие сообщения Института народов Азии. № 61. М., 1963.
104. *Степугина Т.В.* Лекция 20. Первые государства в Китае // История древнего мира. Ранняя древность. М., 1989.
105. *Степугина Т.В.* Лекция 28. Расцвет рабовладельческого общества в Китае // История древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1989.
106. *Степугина Т.В.* Лекция 9. Китай в первой половине I тысячелетия н.э. // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989.
107. *Степугина Т.В.* Государство и общество в древнем Китае // Государство на древнем Востоке. М., 2004.
108. *Степугина Т.В.* Предисловие / Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
109. *Струве В.В.* Советская наука о древнем Востоке в период 1917–1932 г. // Сообщение Государственной Академии истории материальной культуры. 1932, № 9–10.
110. *Тихвинский С.Л.* Возвращение к «Воротам небесного спокойствия». М., 2002.
111. *Тодер Ф.Н.* Записки востоковеда // Восток. 1999, № 4.
112. *Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф.* Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988.
113. *Хохлов А.Н., Л.И. Думан:* тернистый путь настоящего ученого // Общество и государство в Китае. XXXVII научная конференция. М., 2007.
114. *Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Китая. М., 1982.
115. *Шаститко П.М., Чарыева Н.К.* Как закрывали Московский институт востоковедения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2002, № 6.
116. *Шаститко П.М.* Век ушел. Сцены из истории отечественного востоковедения. М., 2009.

ПРОТОКОЛ № 25

**заседания московской группы Отдела Древнего Востока
ИВ АН СССР от 30-го марта 1965 года:
Обсуждение диссертации М.В. Крюкова**

М.В. КРЮКОВ, В.А. Рубин, Г.М. Бонгард-Левин, Г.М. Бауэр, Г.Г. Стратанович, Г.Ф. Ильин, Л.Д. Позднеева, Т.В. Степугина, А.А. Серкина, И.С. Кацинсьон, А.В. Герасимов, Э.М. Яншина, А.Г. Кифишин, Д.Г. Редер, И.А. Стучевский, С. Соловьева, Т.Н. Савельева, И.М. Дьяконов, Л.С. Васильев, Э.А. Новгородов-Рижский.

Повестка дня.

I. Обсуждение диссертации М.В. Крюкова «Род и патронимия в древнем Китае (К проблеме исторических типов общин)»

М.В. КРЮКОВ Излагает содержание и проблематику своей диссертации.

Л.Д. Позднеева, Г.Ф. Ильин, Г.М. Бауэр:

Какие изменения произведены в новом варианте диссертации?

М.В. Крюков:

Изменена немного структура работы. Никаких изменений в тексте и в выводах нет.

Г.М. Бауэр:

Каковы Ваши источники? Какое место в диссертации занимает анализ источников?

М.В. Крюков:

В основном я использую эпиграфические памятники (надписи на гадательных костях и на бронзе). Памятники письменности и археологические материалы привлекаются много в меньшей степени. В данной диссертации источниковедческий и терминологический анализ я не провожу.

Г.М. Бонгард-Левин:

Как Вы интерпретируете термины?

М.В. Крюков:

В каждом случае я опираюсь на имеющиеся уже мнения и толкования тех или иных специалистов.

Г.М. Бауэр:

Можно ли считать уже дешифрованным используемые Вами надписи на гадательных костях и на бронзе?

М.В. Крюков:

Эти надписи уже дешифрованы, их можно читать. Однако спор идет о значении терминов.

Г.В. Степугина:

Существенно ли Вы изменили главу о патронимии?

М.В. Крюков:

Глава о патронимии немного изменена композиционно (разбита на 2 части), но содержание её осталось прежним.

Т.В. Степугина:

Где живет жена члена патриархального рода?

М.В. Крюков:

Патриархальный род делокализован. Женщина уходит жить в патриархальный род (вернее в патронимию) мужа, но считается членом патриархального рода своего отца.

Т.В. Степугина:

Какие статьи Вы опубликовали по теме диссертации?

М.В. Крюков называет 5 статей, опубликованных в советских, китайских и японских журналах.

Т.В. Степугина:

Какова Ваша историческая концепция? Как Вы определяете первичное классовое общество в Китае?

М.В. Крюков:

В моей диссертации рассматривается общество, находящееся на стадии классовообразования. По моему мнению, государство в Китае возникает не раньше VII века до н.э. Поскольку в диссертации речь идет о периоде, когда, с моей точки зрения, до становления государства дело еще не дошло, а я пока не приступил к изучению материалов о государственном периоде в Китае, то я считаю себя в праве заранее не предрешать вопрос о характере первичного китайского государства.

Т.В. Степугина:

Что такое патронимия?

М.В. Крюков:

Патронимия — это особая форма общины, имеющая хозяйственное и идеологическое единство.

А.А. Серкина:

В чем вы видите отличие древнекитайской письменности от современной?

М.В. Крюков:

Изменилось графическое изображение иероглифов, но структура знаков сохранилась с древности до наших дней без изменения.

Л.Д. Позднеева:

Должна отметить небрежность в оформлении диссертации (отсутствие сносок или ошибки в сносках и терминах). Очень жаль, что в диссертации нет источниковедческой главы, которая могла бы показать отношение автора диссертации к источникам. По-видимому, отсутствие источниковедческой главы объясняется пренебрежением диссертанта к критике и анализу используемых им текстов. Поразительно, что на оценку сложнейших вопросов о датировке и интерпретации древних памятников уделено только 27 строк. Трудно уяснить, какой школы Вы придерживаетесь, кто Ваши учителя? Вы отбросили все концепции, но неизвестно почему. Вы отказались подвергнуть критическому анализу древние тексты. У Вас нет исследования. Вас не заботит вопрос о датировках. Вы берете авторов разных эпох, отстоящих друг от друга на тысячелетия, и сопоставляете их друг с другом. Китайцы отучили Вас от элементарного долга каждого историка — критически анализировать тексты. Нельзя писать по чужим дешифровкам. В Китае было много царств, много литературных и философских школ; нельзя их без критики сваливать в одну кучу. Китайцы научили Вас преклоняться перед традицией, перед иероглифической письменностью, верить авторитетам. Но китайцы отучили Вас от критики, от анализа. Вы пользуетесь не подлинными древними текстами, но их традиционными толкованиями. Вы читали древние тексты, исходя из современных значений иероглифов. Вы глубоко заблуждаетесь, если думаете, что древняя и современная китайская письменность не изменилась. Так полагают китайские догматики. Вы заразились у них пренебрежением к критическому историческому анализу источников. В этом основной порок Вашей диссертации.

При расшифровках древних надписей нельзя уходить в сторону от графического анализа древних иероглифов. В качестве примера сошлюсь на тот случай, когда современные китайские комментаторы текстов дают двойственное пояснение одного и того же знака только по той причине, что не удосуживаются установить, что в действительности здесь графически изображен один и тот же предмет, но повернутый в разные стороны. Давать двойное толкование здесь так же бессмысленно, как и утверждать, что, с одной стороны, я — женщина, а с другой — мужчина. Если бы я так утверждала, меня бы нужно было отправить в сумасшедший дом.

Г.М. Бонгард-Левин:

В лучшем случае.

А.А. Серкина:

А между тем именно это и делают те китайские интерпретаторы, которые не понимают древнюю графическую основу знака, переводят исходя из со-

временного значения. Подобным же пороком страдает и диссертация М.В. Крюкова, который заразился в Китае догматическим отношением к традиции и забыл об основной обязанности всякого исследователя — критически анализировать древние тексты.

Э.М. Яншина:

М.В. Крюков отказался от критической оценки источников, оценки школ, направлений. В его диссертации нет оценки толкований, датировок. непонятно, почему мы должны верить М.В. Крюкову, верить датировкам Го Мо-жо. Многие древние тексты еще не дешифрованы, многие знаки еще не объяснены. Для М.В. Крюкова не существует этой трудности, поскольку он оперирует современными значениями древних иероглифических знаков.

Г.М. Бауэр:

Каждый исследователь должен прежде «исследовать» используемый им материал. В диссертации этого «исследования» нет. Все термины рассматриваются как уже окончательно объясненные. В диссертации нет анализа, но много рассуждений по поводу..... которые никого ни в чем не убеждают. Так мог бы написать на досуге иной академик-пенсционер, который уже не считает себя обязанным что-либо доказывать или объяснять, но может просто «изрекать» свои мысли, свое субъективное мнение.

В.А. Рубин:

Я хочу указать на то, что М.В. Крюков является солидным ученым, пользующимся международным признанием. Его работы печатали в Китае и в Японии. Об этих работах есть восторженные отзывы, например со стороны чешского синолога Покоры, М. Крюков мог бы уже давно защитить диссертацию на основе совокупности опубликованных работ. Однако он принялся за разработку новой темы. В этом я вижу проявление большой научной трудоспособности. В работе М.В. Крюкова содержится два существенных новых вывода: 1) интерпретация терминов «син» и «ши», 2) характеристика китайской патронимии. Работа М.В. Крюкова — это образец научной этики — он упоминает всех авторов. Спокойно, без оскорблений ссылается М.В. Крюков на авторов, с которыми не согласен. Нельзя огульно охаивать работы китайских учёных — среди них есть крупные специалисты. Я с восхищением ознакомился в диссертации с новыми толкованиями многих терминов, например терминов «син», «ши», «цзя» (姓 «фамилия», 氏 «род», 家 «семья». — А.К.). М.В. Крюков доказал существование патронимии, хотя возможно, желательны дополнительные мотивировки.

Хочу обратить внимание присутствующих на недопустимость тона выступления Л.Д. Позднеевой. Бывают случаи, когда учёный, формально не имеющий «школы», достигает больших результатов, чем другой со «школой». Я здесь чувствую очень враждебную обстановку по отношению к М.В. Крюкову.

Г.Ф. Ильин:

Прошу Вас, Виталий Аронович, извинить меня как председателя за то, что я не смог обеспечить деловую обстановку во время Вашего выступления.

Г.М. Бонгард-Левин:

У нас нет и не может быть предвзятого, заведомо враждебного отношения к М.В. Крюкову. У меня лично с М.В. Крюковым существуют очень хорошие отношения. Я знаю его как серьёзного ученого и потому с хорошим чувством приступил к чтению его диссертации. Однако она меня разочаровала, несмотря на то, что некоторые главы я читал если и не с восхищением, то с интересом. Основное моё замечание сводится к тому, что диссертация М.В. Крюкова скорее напоминает очерк о различных мнениях по поводу тех или иных терминов, чем исследование. Диссертация носит описательный характер, в ней разбираются различные мнения, однако не доказывается, почему одно мнение принимается, а другое — нет. Не ясно, какие источники и почему служат основой для выводов. Главный порок работы — нет анализа, но всё декларируется. Возникает такое ощущение, что диссертант к априорно сконструированной схеме подбирает факты, причем берет эти факты откуда угодно без всякой критики их достоверности, пригодности и весомости. Мало только сослаться на факт, нужно еще доказать допустимость ссылки на этот факт. Я бы порекомендовал диссертанту больше скромности. Нельзя опровергать походя все мнения, отвергать все взгляды даже в тех областях, в которых М.В. Крюков отнюдь не является специалистом. При характеристике патронимии необходимо исследовать все её признаки, в частности нужно поставить вопрос о связи её с землей, установить формы ее управления. Ничего этого в диссертации нет. В ней рассматривается лишь часть проблемы о патронимии.

В диссертации, конечно, есть и положительные стороны. Её автор хорошо знает современную специальную литературу, он дал обзор различных мнений. Однако М.В. Крюков шёл не от анализа источников, но от априорной схемы, под которую подбирались факты без аргументации их весомости и достоверности.

Т.В. Степугина:

Наша задача состоит в том, чтобы дать оценку работе М.В. Крюкова как кандидатской диссертации. Нужно помнить о том, что Ученый совет не осведомлен об учености М.В. Крюкова. Он будет судить о нём только по его диссертации. Здесь я хочу отметить следующее. Мы следуем в своей работе школе В.В. Струве, Вы же не признаете никаких школ, для Вас не существует никаких «школ» исследований по вопросу об общине. Вы, конечно, вправе иметь особое мнение, но Вы должны это мнение доказать, а не просто провозгласить. Если Вы что-то знаете такое, что мы не знаем, Вы обязаны это нам показать, а не хранить где-то в себе, ограничиваясь декларациями. Я считаю тему диссертации слишком широкой. Из неё могло бы получиться 2 докторские работы. Нужно ограничить тему исследования и провести именно «исследование», а не голословное постулирование мнений автора диссертации. (Можно было бы ограничиться рассмотрением одного Инь(ского) периода.)

В настоящей диссертации нет анализа источников. Нужно все доказывать. Нужно обосновать допустимость, с Вашей точки зрения, ссылаться на разновременные источники. В Вашей работе нет исследования. Вы не имеете смелости ясно сказать о своей концепции исторического развития в Китае.

Несколько строк — и готово доказательство — таков Ваш метод. Так поступать нельзя. Я предлагаю ограничить проблематику диссертации. Если М.В. Крюков пожелает обратиться ко мне за советом и помощью, я всегда к его услугам.

Г.Г. Стратанович:

От имени сектора, в котором работает М.В. Крюков, а также от Института этнографии я прошу извинения за неряшливый вид диссертации, представленной в отдел Древнего Востока для внешнего рецензирования. Мне кажется, что общее мнение сводится к тому, что работа у М.В. Крюкова не получилась.

М.В. Крюков несомненно знает источники, но этих источников, их критического анализа нет в диссертации. Необходимо показать всем читателям тот фактический материал, которым пользовался М.В. Крюков.

Ряд вопросов, затронутых в диссертации, требует дальнейшей разработки. Нужно еще выяснить, в чём отличие патриархального рода от патриархальной родовой общины и не совпадает ли последняя с патронимией. М.В. Крюков не объясняет происхождение экзогамии рода. У него патриархальный род по существу исчезает, поскольку никогда и нигде не существовал патриархальный род без жен членов рода.

То, что М.В. Крюков конструирует как патриархальный род, и то, что он отличает от патронимии, есть абстрактная категория. В реальности существовала родовая патриархальная община, включающая в себя и жён членов данного патриархального рода.

Д.Г. Редер:

Прежде всего я хочу сказать, что не испытываю никаких враждебных чувств к М.В. Крюкову, и именно потому категорически возражаю против рекомендации диссертации к защите. Вот если бы я был врагом М.В. Крюкова, тогда бы я мог посоветовать представить данную работу на рассмотрение Ученого совета и тогда бы произошла настоящая катастрофа для диссертанта. Я упрекаю М.В. Крюкова в том, что он не называет своих учителей, а также в том, что он отказывается определить свою позицию в отношении периодизации древней истории Китая.

М.В. Крюков:

Я учился в Москве и в Пекине; древние тексты изучал под руководством профессоров Пекинского университета.

Л.Д. Позднеева:

Этим всё сказано. Здесь причина Вашей неподготовленности к критическому анализу источников.

М.В. Крюков:

О том, какое классовое общество сложилось в Китае, я смогу сказать лишь после того, как изучу соответствующие материалы.

Г.М. Бауэр, И.А. Стучевский, Г.М. Бонгард-Левин, Т.Н. Савельева, И.М. Дьяконов, А.Г. Кифишин:

В последнем случае М.В. Крюков прав. Сейчас вопрос о первичных классовых обществах на древнем Востоке находится в состоянии переосмысления, идет острая дискуссия. Многие исследователи не могут сейчас дать прямой ответ на поставленный Д.Г. Редером вопрос.

Нельзя требовать этот ответ и от М.В. Крюкова.

И.А. Стучевский:

Не следует забывать, что сам В.В. Струве признал недавно существование на Востоке в древности азиатского способа производства.

Д.Г. Редер, А.Г. Кифишин:

Где признал?

И.А. Стучевский, С.Соловьева:

Читайте журнал «Народы Азии и Африки» № 1, 1965 г.

М.В. Крюков:

Я благодарю всех выступавших. Я продумаю ту острую критику, которой подверглась моя работа сейчас. Сказано было так много, что ответить всем и на всё я пока не могу. Я должен подумать. Еще раз благодарю всех выступавших. Что касается «извинений» Г.Г. Стратановича, то они меня удивили. Моя работа была представлена на обсуждение не официально от Института этнографии, но всего лишь частным порядком от меня лично, поскольку я хотел знать мнение товарищей.

Т.В. Степугина:

Я должна восстановить истину. Работу М.В. Крюкова мы обсуждали вполне официально. Относительно её совместного обсуждения в двух отделах (в отделе Китая и в отделе Древнего Востока ИНА) договорились заведующие этих отделов. Лишь случайное обстоятельство, невозможность выбрать один день удобный для двух отделов, привело к тому, что мы обсудили сегодня диссертацию М.В. Крюкова после её рассмотрения в отделе Китая.

ПОСТАНОВИЛИ:

Отдел Древнего Востока Института Народов Азии АН СССР, рассмотрев диссертацию М.В. Крюкова «Род и патронимия в древнем Китае. (К проблеме исторических типов общин)», пришел к выводу, что эту работу отличает ряд принципиальных недостатков. Недостатки эти следующие:

1) В диссертации нет критического отношения к источникам, нет исследования, но зато много голословных деклараций.

2) Общие выводы диссертации не могут быть приняты как доказанные, так как не опираются на аргументированный анализ источников.

3) История семейных и родовых отношений в древнем Китае реконструируется в диссертации без учёта социально-экономической структуры общества.

4) Диссертация оформлена крайне небрежно.

Исходя из всего вышеизложенного, отдел Древнего Востока Института народов Азии АН СССР не может рекомендовать диссертацию М.В. Крюкова к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук, поскольку данная работа не соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Председатель: *Ильин*

Секретарь отдела Древнего Востока: *Стучевский* (И.А.Стучевский)